

СОЗНАНИЕ, ОРГАНИЗМ И ОБЪЕКТИВАЦИЯ ЛИЧНОСТИ¹

Сергей Михайлович Левин – преподаватель кафедры гуманитарных наук НИУ ВШЭ. E-mail: serg.m.levin@gmail.com

В статье поднят вопрос о том, на какой вид объектов мы указываем, когда используем личные местоимения и имена собственные. Автор систематизирует наиболее известные теории тождества личности в соответствии с тем типом предметов, в зависимости от которого, согласно теории, находится тождество нашей личности. Демонстрируются затруднения, к которым приводят попытки приравнять сущность, которую мы называем «я», к таким понятиям, как сознание или организм. В конце статьи рассматриваются теоретические перспективы изменения метафизического статуса понятия личности, а именно отнесения личности к классу модификаций предметов. Предложенный подход можно оценить как компромисс между менталистскими и материалистическими интерпретациями личности.

Ключевые слова: метафизика, тождество личности, анимализм, субъект, личность.

MIND, ORGANISM AND AN OBJECTIFICATION OF PERSONS

Sergey Levin – lecturer, National Research University Higher School of Economics.

The paper raises the question: what kind of object do we refer to using proper names and personal pronouns? The author starts with a general review and the comparison of theories of personal identity. These theories are systematized according to the type of object they identify as a person. It is demonstrated that there appear insurmountable difficulties as one tries to identify the self with a mind or an organism. It is suggested that instead of considering an entity that we call «I» as being a mental or a material thing we should rather consider it as a modification of a thing. Such an approach may be seen as a middle ground between mentalist and materialist interpretations of personal identity.

Abandonment of the idea of a person as some physical or 'mental' thing doesn't mean we have to completely eliminate persons from ontology and see them only as narrative construct as some philosophers like D. Dennet do. Rather it is an attempt to explain the nature of being a person outside of the boundaries of austere nominalism. If we agree to include in our ontology something besides concrete particles, then it is possible to choose different metaphysical category for our personhood. As soon as we stop considering an entity we call 'I' as a particular thing, and rather as something else, we would have to rethink the identity conditions for persons. The notion of a person could fall into wide range of categories, it could be a relation, a property or, as we argue, a special sort of modification of an organism. A wrinkle on the carpet is not some distinct thing existing above the carpet, but a modification of carpet. And a person is not some distinct thing over and above its body or organism, but a modification of a special sort. Our organism may have huge amount of modifications apart of being a person, though the latter one is a most important for us, because we are such modification. An organism may survive without some of its modifications, e.g. without scars or haircuts, and with external medical help an organism may survive

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 13-06-00902.

without being person. In the article I show how the problem of personal identity disappears in various real situations and thought experiments if we begin to understand persons as a modifications of organisms.

Key words: metaphysics, personal identity, animalism, subject, person

Люди склонны объективировать явления, которые могут быть названы неким существительным независимо от того, стоит ли за этими явлениями реальный предмет. Эту склонность можно считать одним из интуитивных оснований метафизического реализма относительно универсалий. Обсуждая любое качество, вид, отношение, мы можем говорить о нем как о существительном. Например, вместо фразы «скромные люди добиваются успеха» мы можем сказать «скромность – залог успеха». Чтобы фразы, в которых в роли подлежащего выступают существительные, указывающие на некоторое свойство, могли быть в принципе истинными, по мнению реалистов, мы должны расширить нашу онтологию и помимо самоочевидного для здравого смысла существования отдельных предметов постулировать также существование универсалий. Иначе, согласно реалисту, фраза «скромность украшает человека» будет бессмысленной.

Теории тождества личности – это та область философии, где тенденция к объективации весьма влиятельна. Говоря «Я, Сергей Левин, поставил лайк», мы можем подразумевать, что личное местоимение «я» и имя «Сергей Левин» указывает на один и тот же предмет, имеющий место в мире, – на мою личность. Проблема природы и сущностных свойств личности в современной философии преимущественно обсуждается как проблема тождества личности. Почти в любой статье на эту тему вопрос «что такое личность?» прямо переводится как вопрос «что позволяет личности оставаться самотождественной с течением времени?». Предполагается, что мы должны найти такой критерий, согласно которому могли бы определить в каждом случае, пережила ли некая конкретная личность рождение, взросление, смерть, полную амнезию, частичную пересадку мозга, обмен телами и, наконец, телепортацию на Марс. В этих мыслительных экспериментах мы должны объяснить, как реальные или воображаемые события ведут к исчезновению или сохранению того объекта, который мы называем словами «личность», «субъект», «я», «ты», «она», «он». Под сохранением понимается не то, что объект останется *таким же* (качественное тождество), каким был, но что это будет *тот же* объект (нумерическое тождество). При этом реальные или воображаемые случаи трансформации личности имеют равноправный эвристический статус. Неважно, сможем ли мы когда-нибудь телепортироваться на Марс: если только допускается такая логическая возможность, то ее анализ потенциально позволяет сказать об условиях выживания личности ровно столько же, сколько и вполне реальная операция по рассечению мозолистого тела.

Среди принятых ответов на вопрос об условиях сохранения личности можно условно выделить три группы: менталистскую, материалистическую и элиминативистскую. Разделение теорий тождества личности на противоположные по духу менталистские и материалистические группы довольно стандартно и его под разнообразными именами можно встретить у самых разных

авторов². Указанное разделение зависит от того, что именно его сторонники считают определяющим для выживания личности. При этом сторонники всех трех групп будут сводить вопрос о тождестве личности к вопросу о предметной объективации личности. Разница заключается в природе этого предмета и в том, что, согласно менталистам и материалистам, такой предмет существует, а согласно элиминативистам, не существует. Менталистские теории ставят во главу угла такие вещи, как сознание, душа, перспектива первого лица, память или психологическая непрерывность. Свое обращение к ментальным объектам для определения тождества личности они мотивируют тем, что для нас наиболее важно в других людях, а самым важным в человеке, по их мнению, является тот или иной аспект его «внутренних» свойств. К сторонникам менталистской теории тождества личности можно отнести Дж. Локка, С. Шумейкера, Т. Нагеля и др. Согласно материалистическим теориям, за сохранение личности отвечают такие вещи, как тело, организм или мозг, т.е. предмет, который имеет более или менее выраженные пространственно-временные границы. К сторонникам физической теории тождества личности можно отнести таких авторов, как П. Сноудон, Э. Олсон, П. Инваген и др. Объединяет сторонников первой и второй группы то, что они объективируют личность посредством приравнивания ее к какому-либо ментальному или физическому предмету. В зависимости от того, какой предмет выбран в качестве субстрата личности, изменяются и условия сохранения тождества личности.

Несколько в стороне стоят элиминативистские теории тождества личности, для которых не существует реального объекта референции слов «личность» или «я». В строгом онтологическом смысле личности не существует, она есть лишь феноменологический или нарративный конструкт. Дэниел Деннет считает, что за тождеством личности не стоит ничего, кроме нарративной идентичности героя истории. Мы лишь сочиняем про себя и других людей истории, в которых выступаем главными героями. Про каждого из нас можно написать сразу несколько правдивых историй, важно лишь, что ни в одной из этих историй герой не будет более реален, нежели в другой³. Элиминативистские теории не будут детально рассматриваться в нашей статье, однако как опцию их следует иметь в виду при анализе излагаемых в статье проблем. К сторонникам элиминативистских теорий тождества личности можно отнести Д. Юма, Т. Метцингера, Д. Деннета и др.

Не все известные теории личности укладываются в рамки предложенной типологии. К примеру, И. Гаспаров предложил считать личность самостоятельной субстанцией в широком «аристотелевском» смысле этого слова⁴.

² См.: Винник Д.В. Метафизические основания и эмпирические критерии тождества личности // Философия науки. 2007. № 2 (33). С. 116; Robinson D. Human Beings, Human Animals, and Mentalistic Survival // D.W. Zimmerman. Oxford Studies in Metaphysics. N.Y. : Oxford University Press, 2007. Vol. 3. P. 3.

³ См.: Деннет Д. Почему каждый из нас является новеллистом // Н.С. Юлина. Головоломки проблемы сознания: концепция Дэниела Деннета. М., 2004.

⁴ См.: Гаспаров И. Парфит и нигилизм относительно тождества личности // Analytica. 2007. № 1. С. 30–36.

Можно вспомнить теорию Дональда Вильямса, согласно которой Я указывает на индивидуальное свойство (троп)⁵. Предложенная в статье теория также не попадает однозначно ни в одну из перечисленных групп: мы утверждаем, что личность это не ментальный или материальный предмет, а модификация подходящих для этого материальных предметов. Однако прежде чем перейти к изложению своих взглядов, проанализируем трудности, вытекающие из попыток опредмечивания личности.

Классическое определение личности, данное Дж. Локком, звучит так: «Личность есть разумное мыслящее существо, которое имеет разум и рефлексию и может рассматривать себя как себя, как то же самое мыслящее существо, в разное время и в различных местах только благодаря тому сознанию, которое неотделимо от мышления...»⁶ В пользу менталистской интерпретации этого определения говорит подчеркивание в нем роли сознания и его направленности на самого себя в прошлом, настоящем и будущем. Локк в качестве критерия тождества личности выбрал память – личность остается сама собой до тех пор, пока она помнит свою жизнь. В результате известных замечаний Т. Рида и Дж. Батлера критерий памяти для тождества личности был преобразован в критерий психологической связанности, гласящий, что личность остается сама собой, если весь доступный ей опыт связывается отношением транзитивности: ты это ты, если твои сегодняшние переживания идут постоянной чередой от самого детства, пусть даже сегодня из детства не осталось никаких воспоминаний. В случае амнезии и утраты всякой психологической связи с прошлым личность исчезает. Большинство теорий тождества личности менталистского толка сегодня представляют собой тот или иной вариант теории психологической связанности. Мы упоминаем менталистские теории как более общий тип по отношению к теориям психологической связанности для того, чтобы учитывать философские концепции, согласно которым субъект опыта существует не как факт психологический, а, допустим, как факт трансцендентальный.

Преимуществом менталистских концепций можно назвать то, что их критерии тождества личности во времени совпадают с теми психологическими качествами человека, которые наиболее важны для нас в себе и других людях. Хотя порой людей могут больше заинтересовать те или иные физические характеристики другого человека вплоть до их фетишизации, люди, как правило, считают, что ядро личности заключается в сумме ее психологических особенностей. По мнению М.А. Секацкой, значение, которое мы придаем психологическим качествам человека, вкупе с нашим незнанием того, как именно психологические характеристики производятся мозгом, приводит к наделению этих качеств самостоятельным онтологическим статусом⁷. Из-за отделения факта существования ментальной жизни от факта существования произ-

⁵ См.: *Williams D.C. The Elements of Being I // Review of Metaphysics. 1953. № 1. P. 18.*

⁶ *Локк Дж. Соч. В 3 т. Т. 1. Опыт о человеческом разумении. М., 1985. С. 387.*

⁷ См.: *Секацкая М.А. Тождество личности как онтологический факт: возражение Дереку Парфиту // Эпистемология и философия науки. 2013. № 3. С. 81–82.*

водящего ее тела сторонники менталистских концепций уверены, что у личности может быть жизнь после смерти принадлежащего ей тела. Так, согласно теории психологической связанности, в случае телепортации (уничтожения тела в одном месте и воспроизведения его точной копии в другом) наше сознание сохранится и, следовательно, мы не погибнем, несмотря на тотальную аннигиляцию всех клеток организма, вошедшего в кабину телепортатора.

Основное затруднение для всякой менталистской теории в контексте темы нашей статьи заключается в том, что невозможно найти ментальный объект, которым является личность, не принимая основного постулата субстанциального дуализма. Но даже принятие такого постулата не избавило бы менталистов от всех затруднений, так как критерии тождества самостоятельной ментальной субстанции еще более проблематичны, чем критерии тождества объекта материального. У них не было бы другого способа идентификации сознания, кроме указания на ту личность, которой оно принадлежит. Как пишет П. Стросон, «что может значить выражение “то же сознание”, кроме как “сознание той же личности?”»⁸. Менталисты, признающие дуализм субстанций, попадают в замкнутый круг. Они хотели бы показать, как тождество нашей личности завязано на тождестве нашего нематериального сознания (души), но для идентификации последнего у них нет иных способов, кроме обозначения принадлежности сознания конкретной физической личности.

Мало кто из менталистов готов сегодня согласиться с тем, что наше сознание – это вещь, состоящая из нематериальной субстанции и не подчиняющаяся физическим законам. Но что же тогда «переносится» при телепортации? Помимо тела переносится и личность как объект, состоящий из набора психологических свойств⁹, которые могут включать в себя не только воспоминания, но и базовые когнитивные способности, такие, как способность быть в сознании¹⁰. Это заставляет современных менталистов признать, что наша личность может существовать только благодаря существованию некоторого материального носителя, это в свою очередь приводит к проблеме «слишком большого числа мыслителей» (*The Too-Many-Thinkers Problem*)¹¹. Проблему можно сформулировать следующим образом: если моя личность – это сознание, существующее в моем организме, и мое сознание – это объект, отличающийся от моего организма, тогда либо мой организм неразумен, либо в пространственно-временном отрезке, занимаемом моим организмом, присутствуют сразу

⁸ *Strawson P.F. Self, Mind and Body // P.F. Strawson. Freedom and Resentment and Other Essays. L. : Routledge, 2008. P. 192.*

⁹ Оттого что объект конституируется свойствами, а не частями, он не перестает быть самостоятельным предметом. Но такая самостоятельность возможна при подспудном признании «пучковой» теории (*bundle theory*) предметов, заключающейся в том, что каждая вещь состоит не из отдельных частей, а из отдельных свойств. См.: *Loux M.J. Substance and Attribute. Dordrecht : Reidel, 1978. P. 121–139.*

¹⁰ Способность к сознательному опыту Т. Негель называет одним из условий присутствия личности. См.: *Nagel T. The View from Nowhere. N.Y. : Oxford University Press, 1986. P. 41.*

¹¹ См.: *Olson E. The Human Animal: Personal Identity Without Psychology. N.Y. : Oxford University Press, 1997. P. 100–109.*

два разумных существа, которые кардинально отличаются друг от друга по своей метафизической природе.

Лучшим решением, по мнению теоретиков материалистического подхода к личности, является отказ от менталистских критериев и приравнивание личности не к ментальному, а к физическому объекту. По поводу того, что это будет за объект, в «материалистическом лагере» существуют большие расхождения, однако консенсус состоит в том, что такой объект есть. Питер Инваген пишет по этому поводу, что «материалист, который не отрицает, что я и другие личности существуют, подписывается под тезисом об идентичности себя и *какой-нибудь* материальной вещи»¹². Кандидатов на такую вещь довольно много: головной мозг, тело, организм и др. Чтобы не обсуждать все материалистические теории сразу, остановимся только на одной – анимализме в редакции Эрика Олсона¹³. На наш взгляд, среди материалистических теорий тождества личности эта теория наиболее последовательна и бескомпромиссна. Олсон полагает, что главный фактор выживания личности – это выживание ее организма (животного), самоидентичность которого определяется благодаря сохранению стволовой области мозга (*truncus encerephali*), так как эта область регулирует базовые физиологические потребности тела, такие, как биение сердца, дыхание, сон и прием пищи. Олсон утверждает, что даже при повреждении или удалении у человека коры головного мозга, но сохранении стволовой области человек останется тем же животным, которое будет способно (разумеется, не без помощи других) к продолжению своей биологической жизни. Про людей, находящихся в состоянии «овоща», питание которых осуществляется через специальную трубку, он пишет следующее: «Человеческий овощ кажется тем же самым животным, что и то человеческое существо, которое однажды было рациональным и разумным, так как его биологическая жизнь никогда не прекращалась»¹⁴. Главное отличие Олсона от многих материалистов заключается в том, что он не считает, что нам нужна кора головного мозга для сохранения тождества нашей личности, поэтому его нельзя упрекнуть в латентном ментализме. Ведь если мы подразумеваем, что для тождества личности обязательно нужен целостный головной мозг, мы уступаем менталистам, так как мозг главным образом важен как носитель психологических качеств.

Привлекательность анимализма заключается в том, что он позволяет фиксировать референцию личных местоимений на предмете, который явно и непосредственно связан с нами, а в определении этого предмета анималисты могут обращаться не к метафизическим, а к научным критериям. Вопросы о том, что называть организмом и каковы условия его сохранения, анималисты хотели бы полностью отдать на откуп биологам. Последнее обстоятельство анима-

¹² См.: *Inwagen P.* What Do We Refer to When We Say “I”? // *The Blackwell Guide to Metaphysics.* Oxford : Blackwell Publishers, 2002. P. 180.

¹³ Наиболее подробную статью, посвященную анимализму, на русском языке см.: *Чирва Д.В.* Одинокое животное. Биологический подход к тождеству личности // *Вестник Санкт-Петербургского университета.* Серия 6. 2012. № 4.

¹⁴ *Olson E.T.* Was I Ever a Fetus? // *Philosophy and Phenomenological Research.* 1997. № 1. P. 106.

листы всячески подчеркивают, так как оно, по их мнению, переводит проблему тождества личности из разряда проблем метафизических в разряд проблем эмпирических. Однако для принятия своего самого фундаментального решения о том, что я – это мой организм, анималист не может апеллировать к биологии или любой другой науке. А само это решение влечет за собой массу контринтуитивных следствий. Пока мы остановимся только на том простом, что бывают ситуации, когда человеческий организм есть, а личности уже, еще нет или вообще нет. Порок утробного развития анэнцефалия приводит к тому, что плод созревает без коры головного мозга. После рождения он не способен ни к какой мыслительной деятельности, у него отсутствует всякая возможность обладать сознанием, он не чувствует боли. У анэнцефалов бьется сердце, они могут питаться и дышать, с последним, однако, возникают частые перебои. При этом у анэнцефалов имеется стволовая область мозга, как раз та часть, которую Олсон считает главной для сохранения тождества организма и соответственно личности. 95 % матерей принимают решение об аборте, когда узнают о диагнозе. Среди появившихся на свет 55 % уже мертвы, а остальные 45 % рождаются буквально в процессе умирания, который длится от нескольких минут до нескольких дней. Рекордсменом продолжительности стала девочка, появившаяся в США в 1992 г. и умершая спустя 2 года и 171 день. Это стало возможным благодаря религиозному рвению матери, считавшей, что «всякая жизнь священна», и неоднозначному решению суда, из-за которого врачи были вынуждены бесплатно оказывать экстренную медицинскую помощь – искусственно вентилировать легкие анэнцефала каждый раз, когда в этом возникала потребность. Статья профессора анестезиологии, посвященная этому случаю, из которой мы почерпнули перечисленные сведения, имеет говорящее название «Достопримечательный случай бесполезной заботы»¹⁵. Очевидно, что такой организм не подпадает под локковское определение личности. Да и согласно критерию Олсона, перед нами «биография» жизни организма, но не личности. Можно сказать, что для появления и сохранения личности требуется нечто большее, чем появление и сохранение организма.

Получается, что у анималиста тождество личности зависит от фактора, который никак не гарантирует присутствие того, что мы подразумеваем под личностью. Неудивительно, что для Олсона личность – это привходящее свойство организма, а то, что мы называем личным местоимением «я», – это не личность, это организм, который отвечает за тождество личности, но не есть личность. Он пишет: «Эмбрион просто становится личностью так же, как он становится позднее музыкантом или философом»¹⁶. Если личность – привходящее свойство организма, то можно было сказать, что анимализм не приравнивает личность к какому-либо предмету – организму. При этом Олсон утверждает, что референтом личного местоимения «я» будет мой организм, но местоимением «я» как раз и принято называть свою личность. Это ведет к

¹⁵ См.: Doyle D., Baby K. A Landmark Case In Futile Medical Care // Webmed Central Medical Ethics. 2010. № 1. P. 2.

¹⁶ Olson E.T. Op. cit.

парадоксальному выводу о том, что вы необязательно личность, так как, говоря «я» или «Сергей Левин», мы указываем не на свою личность, а на свой организм, который вполне может обойтись без моей личности. Мы согласны с тем, что мой организм может обойтись без моей личности, но я сам не могу обойтись без своей личности как без своего определяющего качества. Да, я могу не быть философом, но я не могу не быть личностью, при этом оставаясь самим собой, так как «моя личность» и «я» имеют один и тот же референт. Анимализм сообщает нам, что за словом «я» стоит совсем не личность, а организм со своими критериями тождества, и, таким образом, эта теория подменяет проблему тождества личности проблемой тождества наиболее подходящего на эту роль материального предмета – организма.

Рассуждения о том, чем является денотат местоимения «я», не вызваны тем, что центральный вопрос для нас – это вопрос о механизмах референции личных местоимений и имен собственных. Начиная с середины XX в. в философии существовали попытки при помощи средств концептуального анализа языка преодолеть классическое разделение на субъект и объект. В предварительных материалах к «Философским исследованиям» Витгенштейн выделяет два типа использования личного местоимения «я» – субъективное и объективное. Первый тип указывает на субъективные переживания, а второй на личность как на конкретное тело, имеющее свои физические характеристики¹⁷. Однако разница в референции не означает, что существуют два самостоятельных предмета, она означает лишь, что перед нами два различных способа использования лингвистических инструментов в повседневной языковой игре.

Специфика употребления местоимения «я» не влечет за собой никаких онтологических следствий, а даже если такие следствия и имелись бы, они выходят за границы нашего исследования. Мы не обсуждаем семантические особенности отсылки к личности в том или ином языке. В разных контекстах «я», как и большинство других слов, может употребляться по-разному. Если Сергей играет сам с собой в шахматы, то его фраза «следующим ходом я съем коня» может быть справедливо интерпретирована как то, что Сергей сейчас совершит некий ход в рамках установленных правил, и «я» будет указывать на его личность как субъекта этого действия. Но также это высказывание может быть интерпретировано так, что «я» относилось к озвучиванию воображаемых мыслей черного слона, который вот-вот встанет на клетку Е5, где до этого был белый конь. Примеры, в которых «я» не является референтом собственной личности, можно множить, но ни один из них ничего не добавляет к пониманию личности, так как «я» – только способ обозначения своей личности, но не сама личность. В конце концов можно вообще обойтись без личных местоимений и всегда называть себя только по имени, как это часто делают маленькие дети. Мы не проясняем, какими способами можно указывать на свою и чужую личность. Наша задача состоит в том, чтобы обнаружить такой онтологи-

¹⁷ См.: *Витгенштейн Л.* Голубая и коричневая книги: предварительные материалы к «Философским исследованиям». Новосибирск, 2008. С. 99–109.

ческий статус личности, который, не отождествляя их ни с ментальными, ни с материальными объектами, позволял бы признать личности реальными сущностями.

Можно ли так решить проблему личности, чтобы она сочетала плюсы как менталистского, так и материалистического подхода? Поиск серединного пути в определении личности вещь не новая¹⁸. Стремление найти теорию, которая обладала бы плюсами как менталистских теорий, так и материалистических, легко объяснить тем, что материалисты хотя и обладают прозрачной онтологией, но говорят о тождестве предметов, которые сами по себе не выглядят личностями и *vice versa*. Мы считаем, что ключом к решению проблемы является отказ от объективации личности в каких-либо единичных или множественных вещах. Ведь наша онтология не обязательно ограничивается только индивидуальными предметами или веществами, она может включать в себя еще свойства, отношения, виды, законы, события, модификации и другие сущности. Некоторые философы уже предлагали альтернативы предметной объективации личности – в начале статьи упоминались концепции И. Гаспарова и Д. Вильямса, мы же предложим считать личностью модификации подходящих материальных предметов.

Прояснить, как существуют модификации предметов вообще и личности, понятия как модификации, в частности, можно, сказав несколько слов о существовании самих предметов. Как пишет П. ван Инваген, общепринятой точкой зрения является то, что в мире существует множество индивидуальных предметов¹⁹. Есть ли в мире что-либо помимо отдельных предметов, к примеру универсалии или пропозиции, это вопросы, о которых спорят метафизики, однако существование множества индивидуальных вещей можно назвать некоторым консенсусом философов друг с другом и со здравым смыслом²⁰. Существование вещей означает, что такие вещи, как коты, ковры и ноутбуки, существуют самостоятельно и могут перемещаться или быть перемещаемы во времени и пространстве. У отдельных вещей могут быть модификации: «Если что-то появляется как прямой и неизбежный результат модификации вещи X, выражаясь иначе, без добавления к X новых частей, тогда мы назовем что-то так появившееся лишь модификацией X. Так, кулак это лишь модификация руки, узел лишь модификация веревки и складка ковра это лишь модификация ковра»²¹. Модификации, как и предметы, занимают место в пространстве и могут влиять на окружающий мир – о складку на ковре вы можете споткнуться и разбить себе нос. Модификации не могут перемещаться отдельно от своих предметов, и они неотделимы от них. Тождество модификации привязано к

¹⁸ Например, можно вспомнить попытку М. Джонсона: *Johnston M. Human Beings // The Journal of Philosophy. 1987. № 2.*

¹⁹ См.: *Inwagen P. Metaphysics. 3rd edition. Boulder : Westview Press, 2009. P. 27.*

²⁰ Конечно, есть и те, кто придерживается альтернативных воззрений, например: «Никаких “предметов” в реальности нет, это мы создаем “предметы”, интерпретируя внешние воздействия с помощью органов чувств и языка» (*Никифоров А.Л. Онтологический статус референтов имен собственных // Эпистемология и философия науки. 2012. № 2. С. 58.*)

²¹ *Inwagen P. Metaphysics. P. 28.*

тождеству какого-то предмета в том смысле, что она может появляться, создаваться, изменяться и исчезать при сохранении предмета, но при уничтожении предмета уничтожается и его модификация. Хотя сам предмет может существовать и без той или иной модификации.

Отнесение личности к классу модификаций организма будет означать, что хотя личность и может быть уничтожена при сохранении организма, для нее невозможно перемещаться в пространстве отдельно от тела и ее нельзя перенести в другое тело. Представим, что у вас на теле есть неглубокая резаная рана, она появилась на вашем теле в результате модификации последнего, но при этом к вашему телу ничего не прибавилось и не убавилось (задеты только верхние слои кожи, поэтому потери крови не было). Согласно определению модификации, рана это модификация, нельзя переместить свою рану другому человеку. Онтологическая вторичность модификации приводит к тому, что критерии тождества личности становятся еще более жесткими. На модификацию накладываются и критерии тождества организма как физического объекта, и свои собственные дополнительные условия выживания. Сохранение живого тела не гарантирует сохранения всех его модификаций – рана со временем может бесследно затянуться, а в вашем организме вследствие болезни и возраста личность может постепенно угаснуть. Никто, даже сумасшедший ученый из далекого будущего, не сможет перенести вашу личность в тело другого человека. Максимум, на что он будет способен, это на воссоздание такой же, но не той же личности (модификации) в теле другого человека. То, что останется в вашем теле при стирании воспоминаний, можно будет назвать вашей личностью, которая просто забыла свою жизнь. Если же наш сумасшедший ученый перестарается и ваше тело утратит не только воспоминания, но и все свои когнитивные способности и организм перестанет воспринимать окружающую действительность, если ученый безвозвратно разрушит субъект опыта, то тогда мы можем сказать, что личность больше не присутствует в этом теле.

Для существования некоторых модификаций необходимо наличие специальных частей в предмете, модификацией которого они являются: для того чтобы у вас была резаная рана руки, у вас должна иметься рука. А так как одним из условий бытия личности считается способность к сознательному опыту, то логично предположить, что для наличия человеческой личности-модификации необходимо, чтобы у тела имелся исправно функционирующий головной мозг. Указание на то, что личности присуща способность к мыслительной деятельности, и при этом на то, что она не есть физическое тело, может вызвать подозрение в дуалистичности нашей концепции. Но мы не постулируем существование сущностей, отдельных или производных от нашего тела, если только читатель не готов также признать, что такая модификация, как режущая поверхность ножа, существует отдельно от самого ножа и состоит из иной субстанции.

Отказ от трактовки личности как некой материальной или ментальной вещи не значит, что мы вслед за элиминативистами полностью исключаем личности из нашей онтологии. Скорее мы стараемся объяснить природу бытия

личности за рамками жесткого номинализма. Если мы согласны включать в нашу онтологию нечто помимо отдельных вещей и частиц, тогда у нас есть возможность относить личности к самым разным метафизическим категориям. Понятие личности может быть отнесено к категории отношений, к категории свойств или, как утверждаем мы, к категории модификаций. Как только мы перестаем объективировать то, что мы называем «я», нам нужно будет пересматривать и условия тождества личности в соответствии с той категорией, к которой мы ее относим. Даже тот, кто не соглашается с нами, что личность это модификация, должен будет признать: у свойств, отношений и модификаций условия сохранения во времени и пространстве отличаются от условий сохранения отдельных материальных предметов. Скажем, условием сохранения некоторых социальных отношений между индивидами – раба и господина – можно назвать системные политико-экономические факторы, но отношения господства и рабства между конкретными индивидами не сводятся к этим факторам и требуют для своего актуального существования наличия индивидов, между которыми эти отношения существуют в действительности.

И если мы приходим к выводу, что личность это модификация нашего организма, то из этого следует, что тождество личности обеспечивается иным набором факторов, чем тождество нашего организма. Как мы писали выше, при анэнцефалии организм может выживать с помощью медицины вообще без наличия у него личности. Но то, что личность в онтологическом смысле вторична относительно организма, не приуменьшает ее значимость для нас или для выживания организма. Все модификации зависимы от своих носителей, но иногда их наличие или отсутствие – единственный критерий, по которому мы оцениваем важность того или иного предмета. Прокол в шине гоночного автомобиля, несмотря на свой незначительный размер, оказывается критичным для нормального функционирования не только колеса, но и всего автомобиля. Наличие же того, что можно назвать личностью, радикально расширяет функциональные возможности организма. Только личность, а не организм или сознание, может вступать в социальные интеракции и нести моральную ответственность за свои поступки. Неслучайно проблема тождества личности всегда переплеталась с этической проблематикой. Если вслед за Парфитом считать, что изменение понятия личности изменяет наши взгляды на этику²², то, конечно, и отнесение личности к классу модификаций организма не может не отразиться на том, как мы решаем вопросы моральной ответственности.

Вернемся к парадигмальному примеру с телепортацией и разберем, как трансформируется представление о тождестве личности и ее ответственности в свете нашей теории по сравнению с теориями менталистов и материалистов. Господин X заходит в телепортатор, где его тело уничтожается, а на планете Марс оно точно воспроизводится так, что все его физические и психологические качества остаются точно такими же. С точки зрения сторонников теории психологической связанности, на Марсе появился тот же самый господин X1.

²² См.: Parfit D. *Reasons and Persons*. Oxford : Clarendon Press, 1984. P. 324–326.

Соответственно он остается морально ответственным за все, что до входа в телепортатор совершил X, так как субъект ответственности не исчез, а лишь переместился в пространстве и эта ситуация ничем не отличается от той, когда он проехал на поезде из Москвы в Санкт-Петербург. Известные затруднения для теории психологической связанности начнутся, если X1 не будет уничтожен и/или копий господина X1 будет сделано больше одной. Материалистов же не касаются трудности с большим количеством копий, так как для них критерием тождества выступает факт сохранения оригинального тела/организма. С точки зрения анималистов, в телепортаторе появится совсем другой организм – одна личность была на Земле уничтожена, а на Марсе появилась такая же, но не та же личность. Анималист и любой материалист скажут, что на Марсе был создан некоторый господин X2 и он не совершал того, что совершал до телепортации X1. А это значит, что анималисту предстоит решить, как поступать X2, исходя из своих представлений о наследовании моральной ответственности, так как, с одной стороны, автоматически переносить ответственность за поступки на того, кто их не совершал, кажется поспешным. С другой стороны, если X1 совершил перед телепортацией серию ужасных преступлений, большинству из нас трудно будет отказаться от своего возмущения и, что бы там ни говорил Парфит о главенстве теории тождества личности над этикой, мы захотим как-то отомстить X2 за злодеяния X1.

Наша идея о том, что личность это модификация организма, оказывается в этом мысленном эксперименте в одной лодке с анималистской теорией. Как мы уже говорили, конкретная модификация неотделима от модифицируемого предмета. Даже если у двух разных организмов окажется одна и та же модификация, из этого можно заключить лишь то, что у них есть две качественно тождественные, но нумерически нетождественные модификации, подобно тому как при наличии двух одинаково заточенных ножей в вашем распоряжении будут два лезвия, а не одно. Следовательно, как и анималисты, либо мы должны будем признать, что X2 не несет ответственности за прегрешения X1, либо нам придется разрабатывать теорию дистрибуции моральной ответственности для телепортируемых организмов. Кому-то может показаться, что случай с телепортацией слишком абстрактен, чтобы ради этого нужно было думать о правилах наследования моральной ответственности и это есть сколько-нибудь существенный аргумент против анимализма. Плохая новость для анималистов заключается в том, что они оказываются перед необходимостью создания этической теории правил сохранения ответственности и для вполне привычных случаев амнезии, когда личность по их критерию остается той же, а наши моральные интуиции неоднозначно оценивают справедливость наказания человека, который ничего не помнит о себе и прошлом. Хорошая новость для нашей теории заключается в том, что в случаях амнезии мы оказываемся в одной лодке со сторонниками психологического подхода и легко можем сказать, что мозг организма при амнезии претерпевает такие существенные изменения, которые позволяют говорить об утрате им модификации-личности. Наша теория потенциально может избегать парадоксов, возникающих для теории психологической связанности при копировании нашего тела, и наряду с этим мы справляем-

ся со случаями амнезии, столь неоднозначными для анималистов. То, как мы сможем решать, сохранилась ли наша личность в том или ином случае потери памяти, во многом зависит от дальнейшей экспликации понятия «модификация» и установления границ, возможно даже конвенциональных, относительно того, какие именно модификации организма мы признаем личностями и какими бывают их физиологические воплощения.

Личность – это сложная модификация тела, и она может быть расстроена без его уничтожения. У некоторых психически больных случается расстройство личности, притом что их живое тело вполне себе цело и сохранно. Такие расстройства ведут к тому, что личность больше не считается способной полноценно участвовать в моральных и деловых практиках. Всем известны ситуации, когда вследствие расстройства личности человека признавали не подлежащим наказанию, а направляли на лечение. Особенный интерес с точки зрения того, каким образом личность может быть деформирована при наличии здорового во всех других аспектах организма, представляют случаи раздвоения личности. Эти случаи с трудом поддаются объяснению в рамках теорий менталистов и материалистов. Обычно раздвоение личности живописуется как асинхронный процесс, так как в каждый отдельный момент тело контролирует только одна личность, но в разные моменты это могут быть разные личности. Для того чтобы объяснить, как в одном теле могут поочередно находиться управляющие им личности, нам достаточно указать, что некоторые виды модификаций предполагают единичное существование в одном предмете, а некоторые допускают одновременное сосуществование нескольких однотипных модификаций. Так, у руки может быть только один кулак, но несколько ран. И скорее всего личность относится к «множественному» виду модификаций, в одном теле иногда может существовать несколько личностей (субъектов опыта и центров принятия решения), и эти разные центры управления могут поочередно захватывать власть. Сейчас мы не можем описать, как именно личность должна воплощаться в теле, это скорее вопрос нейронаук, но мы можем сказать, что восприятие личности как модификации изменяет наши ожидания относительно такого описания.

Разрешение вопроса о том, стоит ли за некоторым словом нечто реальное, может быть вопросом как научным, так и философским. В частности, вопросы о существовании флогистона или о возможности левитации – это научные вопросы, а вопрос о категориальной принадлежности личности – это вопрос метафизический. В статье мы обратились к понятию личности и попытались показать, что референтом слова «я» стоит признать не какую-либо индивидуальную вещь, например организм, а определенную модификацию этой вещи. Такой подход, с одной стороны, сохраняет в понятии «личность» важные для нас психологические аспекты, без которых оно выхолащивается до неузнаваемости. С другой стороны, для разрешения вопросов о тождестве личности наш подход позволяет применять также привычные онтологические критерии тождества материальных предметов.